

Динцзы пропустил его язвительность мимо ушей и саркастически усмехнулся:

— Тем более что это ты говоришь, будто вырастил его? Ты хоть раз его воспитывал? Разве ты умеешь растить детей? Его растили твои домработницы и прислуга. Ты просто воспользовался тем, что он вырос и стал красивым.

Цинь Цзэюань нахмурился:

— Динцзы, я не хочу ссориться с тобой из-за какого-то любовника. Не будь так резок.

Динцзы не обратил на это внимания:

— Лао Цинь, для тебя он всего лишь любовник, да ещё, возможно, не единственный. А я испытываю к нему искреннюю симпатию. Даже если отбросить всё прочее, раз уж это просто любовник, а ты всегда был щедр и не стеснялся делиться, что тебе стоит уступить его?

Цинь Цзэюань холодно рассмеялся:

— Он мой, и я сам решаю, как с ним обращаться. Если ты так любишь подбирать чужое, я могу порекомендовать тебе парочку других.

Динцзы посмотрел на него с жалостью, словно на безнадёжного:

— Лао Цинь, не знаю, то ли ты просто упрямишься из гордости, то ли никогда не понимал, что он живой человек с собственной волей. А может, ты и вправду бессердечен и никогда не питал к нему ни капли привязанности. Если ты будешь продолжать в том же духе, вам не понадобится моё вмешательство — ваши отношения и так рухнут.

Цинь Цзэюань одним глотком допил остатки вина из бокала и с глухим стуком поставил его на стол:

— Это наши с ним дела, и тебе нечего сюда совать нос.

Голос Динцзы оставался совершенно ровным, без единой нотки колебания:

— Я уже признался своей семье и могу открыто представить его родным. А ты? Ты спокоен на совести или просто поддерживаешь видимость благополучия? Ты осмелишься?

Цинь Цзэюань на мгновение замер, не ответив. Он вошёл в комнату. Сюй Сицзин всё ещё спал. Тот хорошо держал алкоголь — напившись, не шумел и не буянил, а просто засыпал мёртвым сном. Щёки его после вина порозовели, губы слегка приоткрылись, и весь он выглядел по-детски милым и беззащитным. Цинь Цзэюань постоял, глядя на него сверху, и в душе поднялось странное чувство нелепости.

У Сюй Сицзина, конечно, были поклонники. Всё-таки живём в эпоху, где ценится внешность. Многие хотели заполучить его лишь из-за лица. Были и малоизвестные артисты, мечтавшие примазаться к его славе и урвать свой кусок. Большинство из них Цинь Цзэюань отвадил, а те немногие, что прорывались к самому Сюй Сицзину, не представляли серьёзной угрозы.

Но Динцзы вызвал у Цинь Цзэюаня доселе неведомое чувство опасности.

Знатное происхождение Динцзы, его молодость, талант, статус художника — всё это были лишь дополнения. Главное заключалось в том, что Сюй Сицзин не противился общению с ним.

Сюй Сицзин ни с кем не сближался, у него почти не было близких друзей. Цинь Цзэюань и представить не мог, что, попросив Динцзы об одной услуге, он создаст себе такую проблему. Теперь он не мог, как раньше, просто грубо отвалить человека. Отношение Сюй Сицзина к нему сильно изменилось, и Цинь Цзэюань боялся, что одно неверное движение навсегда разрушит любую возможность примирения.

При Динцзы он не осмеливался признаться, но каждое его слово било точно в цель. Долгая игра в воспитание лишила Цинь Цзэюаня самого пылкого чувства к Сюй Сицзину. Теперь ему больше нравился послушный любовник. Его родители давно вернулись на живописную родину, откуда начинался род Цинь, чтобы поправить здоровье. Изредка они звонили и спрашивали о ребёнке, которого растили в доме. Формальные отношения приёмного родительства были хорошо скрыты, маскируя гораздо более неприглядную суть их связи.

Сюй Сицзин не был обычным любовником, которого можно бросить, когда надоест. Цинь Цзэюань не хотел отпускать его — ведь это дитя, которого он вырастил собственными руками. Как тщательно приготовленный десерт, сладость, размер и внешний вид которого идеально соответствуют его вкусу. Небольшие капризы, уроки, которые Сюй Сицзин усваивал через страдания, — всё это Цинь Цзэюань готов был терпеть, пока на поверхности царил покойствие.

Раньше ему и в голову не приходило задумываться, нравится ли он сам Сюй Сицзину. Ведь тот не мог вырваться из его власти. Но теперь он по-настоящему опасался, что Сюй Сицзин позволит Динцзы увести себя всё дальше и дальше.

Цинь Цзэюань вздохнул, обнял Сюй Сицзина и уснул.

Сюй Сицзин проснулся и обнаружил, что лежит, прижавшись к Цинь Цзэюаню. Они спали в обнимку, тепло и близко. Он осторожно выбрался из-под руки и вышел из комнаты. Динцзы уже встал и готовил завтрак. На плите кипел чайник. Сюй Сицзин умылся, почистил зубы и подошёл к кухне, чтобы посмотреть, как тот управляется.

— Ты голоден? — спросил Динцзы.

Сюй Сицзин покачал головой. Облокотившись на косяк, он спросил:

— Вы вчера допоздна засиделись?

— Разошлись, как только ты уснул. Много не пили, ещё целая бутылка осталась. Хочешь?

— Не-а, — Сюй Сицзин замотал головой. — Днём дела, нельзя.

— Ого, знаменитость занята! Уже после обеда уезжаешь?

Сюй Сицзин кивнул, сказал, что по работе, и ткнул пальцем в маринованную капусту, которую Динцзы как раз нарезал:

— Откуда у тебя капуста? Я и не знал.

Динцзы оторвал кусочек и протянул ему прямо в рот:

— Вчера, когда мясо мариновал, заодно и её приготовил. Совсем немного, за день как раз дошла. Вкус нежный, свежая и хрустящая.

Сюй Сицзин попробовал. Было остро, но он всё равно восхитился:

— Ты даже такое умеешь? Здорово! Я на съёмках, когда от местной еды тошнит, так мечтаю о чём-нибудь таком. Но ассистенты не разрешают, говорят, прыщи полезут.

Динцзы протянул ему стакан с остывшей кипячёной водой:

— Ты ещё ребёнок, тебе и положено прыщами покрываться. Ха-ха! Это не сложно. Хочешь — попроси домработницу сделать.

Сюй Сицзин скривился:

— Домработница не станет. Всё равно никто не будет есть.

Динцзы рассмеялся:

— То есть намекаешь, чтобы я тебе отдельно приготовил?

Сюй Сицзин замахал руками:

— Нет-нет, не надо так заморачиваться. Просто научи меня, я сам справлюсь.

Динцзы аккуратно разложил нашинкованную капусту по маленьким тарелочкам, затем достал баночки и скляночки, собираясь заправить и перемешать натёртую редьку. Тайно, словно посвящая в великую тайну, он сказал Сюй Сицзину:

— Тогда я не могу просто так научить. Это мой секретный семейный рецепт, передаётся только своим.

Сюй Сицзин фыркнул:

— Эх ты, жадина!

Динцзы, помешивая соус, пояснил:

— Просто разбираешь капусту на листья, натираешь крупной солью внутри и снаружи, полдня маринуешь. Потом добавляешь бутылку белого уксуса, немного приправ, немного сахара. Острый перец — по вкусу. Если любишь поострее — больше клади, если боишься прыщей — поменьше.

Сюй Сицзин слушал, будто пытался запомнить наизусть, но в итоге всё равно ничего не понял:

— Немного — это сколько?

Динцзы рассмеялся:

— Вот видишь, я тебе рассказал, а ты всё равно не поймёшь. Опытный человек возьмёт ингредиенты и сделает. А ты, раз ничего не умеешь, даже если я до грамма распишу, у тебя не получится. Ладно, в следующий раз приготовлю тебе немного, заберёшь с собой.

Цинь Цзэюань, встав, увидел, что двое с самого утра оживлённо болтают, и настроение его окончательно испортилось. Он крикнул. Сюй Сицзин опомнился и поспешно примчался, усевшись рядом.

Цинь Цзэюань видел, как тот только что оживлённо разговаривал с Динцзы, а теперь сидит перед ним безжизненный и молчаливый. Он даже не взглянул на них, принявшись звонить ассистентам и секретарю, чтобы выслушать отчёты.

Динцзы уже собирался готовить яичный блин. Сюй Сицзин, видя, что Цинь Цзэюань занят, снова подкрался на кухню. Динцзы велел ему взбить яйца. Сюй Сицзин не знал, как подступиться, и проделал в скорлупе маленькую дырочку, пытаясь вылить содержимое.

Динцзы, закончив со своими делами, обернулся и увидел, как Сюй Сицзин сидит на корточках и изучает, почему же желток не вытекает. Он не удержался от смеха:

— Ну и бестолковый же ты!

Пока он говорил, он уже ловко разбил несколько яиц в миску. Сюй Сицзину оставалось лишь признать своё поражение. Он действительно был бестолковым. Пришлось подлизываться:

— Ну раз уж ты такой мастер на все руки, потрудись ещё немного. Я ничего не умею, могу только в процессе поедания приложить усилия.

Цинь Цзэюань, закончив разговор, обнаружил, что Сюй Сицзин снова сбежал. Он уже собирался позвать его, как тот сам подошёл, неся в руках блюдо. Сюй Сицзин оторвал кусочек яичного блина и протянул Цинь Цзэюаню:

— Попробуйте, это я сам сделал.

Цинь Цзэюань взглянул на неказистый, неаппетитного вида кусочек в руке Сюй Сицзина, и в нём зашевелилась брезгливость — брать его руками не хотелось. Сюй Сицзин протянул руку, подождал, но, видя, что тот и не думает пробовать, молча сунул кусочек себе в рот и крикнул Динцзы:

— Динцзы, носи остальное!

После завтрака Цинь Цзэюань снова ушёл звонить. Динцзы занялся уборкой на кухне, поручив Сюй Сицзину прибрать столы и стулья. Раз днём предстояла работа, скоро нужно было собираться в обратный путь.

<http://bllate.org/book/16267/1463814>